

УДК 1(091); 930
ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

В.И. Ламанский

Письмо третье.

**Об умственном и литературном общении русских
с их соплеменниками
(продолжение)¹**

Публикация и примечания В.А. Куприянова, А.В. Малинова

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Victor Alexandrovich Kupriyanov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. D. in Philosophy, Senior Researcher; Sociological Institute of RAS - Branch of the Russian Academy of Sciences, Associated Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

V.I. Lamansky

The third letter.

**On the Intellectual and Literary Communication
of Russians with their fellow Tribesmen
(continued)**

The publication and notes were prepared by V.A. Kupriyanov, A.V. Malinov

---

¹ Начало публикации см.: Соловьевские исследования. 2022. Вып. 1(73); С. 132–137; Соловьевские исследования. 2022. № 2 (74). С. 77–86; Соловьевские исследования. 2022. № 3(75). С. 74–86. Публикация и примечания подготовлены В.А. Куприяновым, А.В. Малиновым в рамках проекта РНФ (грант № 21-18-00153).

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.065-078

Мы выше уже заметили, что нетерпимость и вражда к чужим народностям всегда сравнительно более развиты у немцев, нежели у славян; что причина тому заключается не только в исторических обстоятельствах, но и в самых характерах этих народов. Одна из отличительнейших черт славянского народного характера – необыкновенная восприимчивость, какое-то расположение брататься со всеми; эта общинность духа, черта крайне любезная и дорогая, всегда служила славянам каким-то якорем спасения против дикой вражды иноплемеников, этой гордости кровью и цветом волос, против этих смертных грехов, которым так легко было поддаться немцу, и без благопритествовавших тому обстоятельств и без испорченности его просветительного начала; потому что в нём особенно резко развита личность. Это свойство немцев, выйдя из должных границ, обратилось в страшную исключительность, точно также, как славянская общинность, восприимчивость и страсть брататься – переходили в совершенное отречение от своей личной самобытности, в нелепое пристрастие ко всему чужому и в бесчестное забвение своей народности, своих преданий. Оттого-то вещице люди у славян, в своих народных проповедях, обличая общественные и частные грехи и пороки своих народов, постоянно гремят проклятиями против нелепой подражательности, против безрассудного желания вечно заискивать расположения иностранцев, совершенного равнодушия к своей народности, странной склонности искать возрождения, не в глубине народного духа, а в готовых иностранных образцах и формах. От Гурницкого² до Мицкевича, от Далемилла Штитного³ и Гуса до Колара и Челяковского⁴, от Кантемира до Грибоедова и Гоголя, от дубровницких писателей XVI–XVII в.⁵

---

² Лукаш Горницкий (1527–1603) – польский прозаик. Автор работы «Польский придворный», написанной по образцу сочинения итальянского гуманиста Б. Грациано «Придворный». Также автор политических работ, посвященных политической ситуации в Польше.

³ Видимо, имеется в виду «Далимилова хроника» – первая чешская историческая хроника, датированная 1310–1314 гг. Авторство предположительно относится к некоему Далемилу, жившему в Чехии в начале XIV в.

⁴ Ян Коллар (1793–1852) – словацкий поэт и писатель. Идеолог панславизма, один из основателей идеи славянской взаимности. Автор известного сборника сонетов «Славы Дщери» («Дочери Славы»). Собиратель словацкой народной поэзии.

Франтишек Челаковский (1799–1852) – чешский поэт, писатель, филолог, этнограф, переводчик и журналист. Один из главных идеологов панславизма. Был профессором славянской литературы университетов в Бреслау и в Праге.

⁵ *Дубровницкая литература* – литературное движение среди сербов Далмации и Дубровника – города на территории современной Хорватии – в XVI–XVII вв., развившееся под влиянием итальянского Возрождения. Наиболее яркие представители: М. Марулич (1450–1530), Менчетич (1475–1524), Лучич (1480–1525), Ветранич (1482–1576).

и Досифея Обрадовича⁶ до Томашича⁷ и Кукулевича-Сакцинского⁸, постоянно раздаются голоса: «Станьте самими собою, будьте славянами и вы тогда лучше научитесь уважать и ценить чужие народности». От противоположного же соблазна народной гордости и исключительности, творящей из себя кумира, выдающей себя за единого представителя человечества, спасёт нас строгое воспитание своего духа в высоких, святых, христианских началах братства и любви. Будем также для того всегда иметь в нашей памяти мудрое правило: «Не желай другому того, чего себе не желаешь», – историю и пример немцев, которые таким образом страшно исказили свой быт, – могучие слова поэта:

Не терпит Бог людской гордыни,
Не с теми он, кто говорит:
Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий мечь, мы Божий щит

Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком,
И, мёртвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам.

Он с тем, кто все зовёт народы
В духовный мир, в Господень храм.⁹

Зная даже к каким крайностям, может приводить отдельных людей и целые народы, эта единокровность или одноязычность; мы не обинуемся, однако,

⁶ Досифей (Димитрие) Обрадович (1742–1811) – сербский просветитель. Первый министр иносранных дел Сербии. Основал первую в Сербии духовную семинарию.

⁷ Николай Томашич (1802–1874) – хорватский писатель, историк и политический деятель.

⁸ Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889) – хорватский поэт, историк, политический деятель и драматург. Автор известной исторической драмы «Юран и София, или турки около Сисака».

⁹ Стихотворение А.С. Хомякова

отвечать решительно отрицательно на вопрос: не должны ли мы, русские, вовсе и не думать о разработке этого начала? Иными словами, мы, русские, из боязни впасть, подобно немцам, в племенную гордость и исключительность; должны ли продолжить по-старому исповедовать совершенное безучастие и равнодушные к нашим соплеменникам? И по-прежнему вовсе не заботиться об умственном и литературном общении к южным и западным славянам? Читатель беспристрастный, конечно, не упрекнёт нас за этот ответ отрицательный. Действительно, в пренебрежении этого начала славянами едва ли не лежит корень всех их исторических несчастий и страданий. Это начало прирожденно человеческой природе; а возможно ли безнаказанно человеку и народам пренебрегать своими естественными дарами и склонностями? Внутренние, семейные распри, раздоры и несогласия, эти незаконные дети свободы, по удачному выражению Палацкого, весьма рано появились в вольнолюбивом славянском племени. Этими несогласиями искусно всегда пользовались два давнишних противника славян – немец и азиат, в лице авара, печенега, мадьяра, половчина, татарина и турка. Тот и другой в отношении к славянам издавна и с большим успехом разрабатывали известное правило – *Divide et impera* – разделяй (сей раздор) и властвуй. Лучшими тому доказательством служит для нас самая многострадальная историческая жизнь славян, свидетельства иностранцев и голоса лучших вещей людей нашего племени. В XI в. в мусульманской Испании, в период цветущей и блестящей образованности, не перестающей и поныне удивлять постороннего наблюдателя, жил один учёный араб Абу-обеид-иллах-аль-Берки († 1094 г.)¹⁰, которого лучший знаток дела, известный голландский арабист и исторический исследователь Дози¹¹, ставит так высоко, как едва ли можно поставить многих западноевропейских людей того времени по учёности, уму и дарованиям. Этот аль-Берки в одном из сочинений своих высказал такую мысль о славянах, которая, кажется, одна может свидетельствовать о его светлом уме и проницательности. Именно он сказал: «Славяне народ страшный, могучий и пылкий. Если бы они не были разделены на великое число отдельных поколений и народцев, то ни один народ в мире не мог бы им противостоять» (во французском переводе Шармуа¹²: «Les slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eut tenu tête»). Без сомнения, под этим разделением надо разуметь не внешнее деление, вследствие которого различные славянские поколения носили различные названия и

¹⁰ Абу Убайд Абдуллах ибн Абдул-Азиз аль-Багри (1014–1094) – арабский писатель, происходил из древнего и знатного арабского рода. Известен как аль-Багри.

¹¹ Рейнхарт Дози (1820–1883) – нидерландский историк-востоковед и исламовед. Автор книги «История мусульман в Испании». Многие труды Дози не устарели и в XXI в.

¹² Франсуа Бернар Шармуа (Франц Францевич Шармуа, 1793–1868) – французский востоковед. Ученик С. Де Саси. Профессор кафедры персидского языка Петербургского университета. Переводчик Низами.

употребляли более или менее несходные наречия, а несогласие внутреннее и раздоры, которые их обессиливали. Прошло почти около 800 лет с тех пор, как были сказаны эти слова и вот в 1848 г. на сейме в Праге, где сошлись народные представители славян австрийских, великий муж и славный историк Палацкий, единогласно избранный в сеймового старосту, так между прочим говорил в своей речи, которою открывал заседание сейма: «Такой великий народ, как наш, никогда бы не лишился первобытной своей вольности, если бы сам не разбился, не расщепился, не отчудился один от другого, не пошёл бы каждый отдельно по колее своей особенной и розной политики: но, быть может, это нужно было для того, чтобы наученные многовековою и горькою опытностью, ясно мы сознали, наконец, в чём именно наша настоящая потребность. Что мы ныне снова получили старое своё наследие, что мы теперь опять свободны и навсегда ими останемся (sic!), зато прежде всего мы обязаны своему пробуждению и сознанию того, что нам одно может дать спасение, зато мы обязаны тому горячему чувству, что пробегает по всем жилам нашем собрании: чувству братской любви, братского единодушия! Славянин есть и будет непреодолимым, пока будет отзываться в его сердце единодушный крик свободы и согласия. Этим знаменьем в жизни народа нашего зачинается век новый и блестящий: счастливы мы все, что сошлись здесь на этот праздник его рожденья. Я в свою очередь, знакомый с давними его несчастьями и страданиями, проникая ясным взором в великую будущность народа, любимого мною всею душою, с благоговением взываю, подобно тому мужу в Евангелии: Ныне отпускаешь раба твоего Владыко! Ибо видели очи мои спасение, которое ты уготовил перед лицом всего мира, всеет ко откровению народам и славу племени славянского».

Один из любимейших русских поэтов, этих *зрячих* народа и передовых его, писал незадолго перед тем в альбом своему соплеменнику, земляку Яна Гуса:

Вековать ли нам в разлуке
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки
Нашим кровным и друзьям!

Веки мы слепцами были,
И как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, —
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль в чужбину отошло.

Иноземец, иноверец
Нас раздвинул, разломил,
Тех обезьязычил немец,
Этих турок осрамил.¹³

Наконец, не случайно же, чтобы самые мрачные эпохи истории народов славянских, почти затирали в них чувство единоплеменности, сознание единства происхождения и воскресали вновь, каждый раз с новыми силами, как только очищалось небо и начинали расходиться тучи? Не случайно же, что лучшие люди из народов славянских во все времена всегда восставали против пагубных этих распрей, этой братской вражды, всегда сознавали необходимость тесного общения между славянами? Довольно указать на гусова друга и сподвижника Иеронима¹⁴, ходившего в Польшу, бывшего в Витебске и Пскове, посещавшего наши храмы, на грозного и вместе с тем добродушного *брата* Жижку¹⁵, ходившего помогать полякам против немецких крестоносцев, всегда носившего польский народный наряд, русского православного князя Корибута¹⁶ называвшего сынком, Корибута, что с православными русинами литовскими (и Галицкими) ходил на помощь гуситам чешским и жил в Праге; на хорвата Франковича (Nugicus Flaccus), что в XVI столетии писал учёным полякам и чехам о необходимости взаимного литературного общения, на незабвенного поляка, канцлера Яна Замойского¹⁷, одного из величайших людей нашего племени; наконец, на Петра I, который, как увидим в следующих письмах, ясно понимал значение России среди славянских народов.

Противоборники и недоброхоты славян всегда опасались их дружбы, всегда радовались их вражде. То давно уже сознавалось и выражалось, как немцами, так и самими славянами. Приведём два, три примера. В 1420 г. в чехах выразилось сильное желание соединиться с единоплеменной Польшею, в которой учение Гуса, несмотря на противодействия пап и духовенства, встре-

¹³ Стихотворение Ф.И. Тютчева «К Ганке».

¹⁴ *Иероним Пражский* (1380–1416) – чешский ученый и сподвижник Я. Гуса. Обучался в Пражском университете, затем в 1399–1401 гг. посещал Оксфорд. Работал в Гейдельберге, Кельне и Париже. Участвовал в создании Краковского университета.

¹⁵ *Ян Жижка* (1360–1424) – чешский полководец и национальный герой чешского народа, участник гуситских войн. С 1421 г. лидер таборитов.

¹⁶ *Корибут Ольгердович* (ок. 1358–после 1404) – удельный князь из династии Гедиминовичей. Сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной. Князь новгород-северский до 1393 года, затем – збаражский, брацлавский и винницкий.

¹⁷ *Ян Замойский* (1542–1605) – польский государственный деятель, гетман великий коронный.

тило во многих горячее сочувствие. Цель такого желания – усиление славянской стихии и дружный отпор немцам, подвиги которых со славянами балтийскими были в свежей памяти чехов XV в.; цель эта была хорошо понята тогдашними немцами. Так, когда по смерти императора Сигизмунда (1437 г.)¹⁸, сжегшего Гуса, в чехах сторона народная и гуситская, решительно хотела иметь королём своим Казимира Польского¹⁹, а сторона аристократическая и католическая стояла за Альбрехта Австрийского²⁰, то этот последний, через доверенного своего Каспара Шлика²¹, на сейме немецком в Нюрнберге решился указать на те опасности, которые угрожают Германии от такого соединения чехов с поляками. «Ещё недавно, – говорил он, – нам трудно было совладать и с одними чехами. Если же они соединятся с поляками, то что тогда будет с Священною Империею и со всем народом немецким»²². В настоящее время действительно трудно сказать, что случилось с Священною империею, если бы чехи-гуситы не пали, а одолели бы, но нельзя, кажется, сомневаться, что немцы избавились бы тогда от всех ужасов 30-летней войны²³, не враждовали бы теперь, а братались со славянами, сами жили бы просторнее и привольнее, и в XVIII столетии не сказал бы Фридрих Великий²⁴ о современной ему Германии: «Il n'y a pas jusqu'au cadet du cadet d'une ligne apanagée, qui ne s' imagine d'être quelque chose de semblable à Louis XIV. Il bâtit son Versailles, il a ses maîtresses, il entretient ses armées. Ils s'abiment pour l'honneur de leur maison, et ils prennent par vanité le chemin de la misère et l'hôpital»²⁵. В Польше большинство

¹⁸ Сигизмунд I Люксембург (1368–1437) – Император Священной Римской империи с 3 мая 1433 года – являлся последним императором из дома Люксембургов. Один из инициаторов гуситских войн.

¹⁹ Казимир IV Ягеллончик (1427–1492) – великий князь литовский с 29 июня 1440 года и король польский с 25 июня 1447 года.

²⁰ Альбрехт VII Австрийский (1559–1621) – штатгальтер испанских Нидерландов с 1595 г.

²¹ Каспар Шлик (1396–1449) – граф Пассау и Вайскирхена, канцлер Священной римской империи.

²² *Примечание Ламанского*: «So mag menniglich wol varsteen, die wile vormals wir und alle umblegende lannd mit den Behemen alleine gnug ze schaffin gehabt haben, solten nu Polen und Behemen miteynnander hantraichen und helfen, was unrats darusz entstunde – dem heiligen Reich und allem deutschem geczunge, das sie doch understeen ze dringen und ausz Jren landen ausztribin wo sie mogen» (См. Palacký. Dejiny nar. Česk. D. III. Č. 2. str. 427.). Ламанский цитирует работу Ф. Палацкого «История чешского народа в Богемии и Моравии». Перевод фразы: «Так что каждому хорошо понятно, что если прежде нам и всем окружающим землям достаточно было иметь дело только с чехами, то теперь поляки и чехи должны будут друг друга поддерживать и помогать в том, чтобы нанести вред Священной империи и всему немецкому народу, который они готовы теснить и изгонять из своих земель – там, где смогут».

²³ Тридцатилетняя война длилась с 1618 по 1648 гг. в основном на территории центральной Европы (территории современных Германии и Чехии) и закончилась Вестфальским мирным договором, определившим систему международных отношений в Европе до Наполеоновских войн.

²⁴ Фридрих II, или Фридрих Великий (1712–1786) – король Пруссии с 1740 по 1786 гг.

²⁵ Frédéric le Grand. L'Antimachiavel, ou examen du prince de Machiavel // Œuvres de Frédéric le Grand: Œuvres philosophiques. Tome VIII. Oeuvres philosophiques. Tome I. Berlin: Chez Rodolphe Decker imprimeur du roi successeur et véritable de decker père et fils, MDCCCXL. P. 95.

всегда чувствовал сильное отвращение к австрийским цесарям и их политике. Так, в 1587 г. говорили воевода виленский Христофор Радзивилл²⁶ и воевода Троицкий, Ян Глебович²⁷, нашим послам: «О цесареве же брате государь бывать к нам не писал: если будет писать, то всех людей от себя отгонит; мы уже лучше приступим все к шведу. Цесарева брата и помянуть у нас никто не хочет, потому что он не богатый государь, да и весь в долгах; а цесарь брат его и сам должен и дань даёт турецкому султану, и как только цесарев брат у нас в государстве будет, то он тотчас захочет богатеть и долги платить, а всё это с нас же собирать станет, а своего ему на войну дать нечего: мало ли что сулит, чтобы только его выбрали, а на самом деле нет ничего. Да и потому цесарева брата не хотим: которые государства поддались цесарю и он у них все права поломал, и дань на них наложил такую, что стянуть нельзя. У нас писанное дело, что немецкий язык славянскому никакого добра не смыслить: и нам как немцы взять себе в государи? Если уже государь ваш не захочет у нас быть на государство, то написал бы в грамотах, чтобы у нас слывет Пяст; это нашим людям всем будет любо. Да и то у нас у Литвы есть в разговорах: если поляки с нами на избрание вашего государя не согласятся, то мы, Литва, Киев, Вольнь, Подолье, Подляшье и Мазовия хотим от Польши отодраться: так государь ваш нас возьмёт ли и на одной Литве без Польши, у нас государем будет ли и за нас своею силою станет ли?»²⁸ Ян Замоиский, горячий противник австрийского дома, строго осуждавший польское вмешательство в московские дела при самозванцах, превосходно понимал важность дружественного союза между поляками и чехами, о котором так выражался в XVI столетии Ян Дубровский, епископ Оломуцкий, убеждая короля польского идти на турок: «Королевства

Ламанский искажает цитату, переставляя местами фразы. Видимо, он цитирует не из первоисточника. Приводим верный вариант: «En voici les raisons: la plupart des petits princes, et nommément ceux d'Allemagne, se ruinent par la dépense, excessive à proportion de leurs revenus, que leur fait faire l'ivresse de leur vaine grandeur; ils s'abiment pour soutenir l'honneur de leur maison, et ils prennent par vanité le chemin de la misère et de l'hôpital; il n'y a pas jusqu'au cadet du cadet d'une ligne apanagée qui ne s'imagine d'être quelque chose de semblable à Louis XIV: il bâtit son Versailles, il a ses maîtresses, il entretient ses armées». Перевод: «Вот причины этого: большинство мелких князей, и в особенности германские, разоряются чрезмерными по отношению к их доходам расходами, на которые их толкает опьянение их суетным величием; они портят себя, чтобы поддержать честь своего дома, и из тщеславия выбирают путь нищеты и больницы; нет даже младшего из младших князей в какой-нибудь удельной линии, кто бы не мнил себя чем-то вроде Людовика XIV: он строит свой Версаль, у него есть любовницы, он содержит свои армии».

²⁶ Христофор Радзивилл (Кишиштоф Радзивилл) (1585–1640) – государственный деятель Речи Посполитой

²⁷ Ян Юрьевич Глебович (ок. 1480–549), государственный деятель Великого княжества Литовского. Канцлер великий литовский (с 1546).

²⁸ Соловьёв С.М. Избрание на польский престол наследного принца шведского Сигизмунда Вазы // Русский вестник. 1856. Сент. Т. V. Кн. I. С. 35.

Польское и Чешское, так взаимно и тесно связаны своими областями и пределами, что одно не падёт иначе, как на развалинах другого»²⁹.

В 1589 г. в Старжыне, в Силезии, съехались послы польские, австрийские для заключения договора, по которому Максимилиан³⁰ отказывался от своих притязаний на корону польскую; Ян Замоийский, представитель Польши, говорил одному из представителей Австрии Вильгельму Розенбергу, знатному и именитому чеху, что «он, как чех, больше обязан заботиться о славянах, нежели о немцах. Славяне, – говорил он, – некогда многочисленные и сильные, разбиты теперь каким-то злым роком по разным краям, и частью погружены в рабство, частью в невежество. Доказательство тому сербы, босняки, иллирийцы, москали и те, которые собственно называют себя словаками. Одни только чехи и поляки достойно поддерживают честь племени славянского. В королевстве чешском нет человека с большим, чем он (Розенберг), влиянием и более способного к умножению славы своих земляков. При его высоком положении, ему неприлично быть орудием чужих желаний и унижаться до служения чужим планам. От благоразумия послов зависят спокойствие и благосостояние государств христианских. Потомство будет судить, кто какими руководствовался побуждениями на настоящем съезде. Он (Розенберг) обязан о том заботиться, чтобы и теперь и после не говорили о нём, что он поступал против чести и свободы своего народа, отчего могли бы возникнуть бедствия, как для польской, так и для чешской земель. Надо ему помнить о тягостях войны для народов. Если бы она даже оказалась полезною для немцев, то какую из того выгоду могли бы получить чехи, кроме того, что народ, им единокровный, по их же милости, должен же бы был пасть под тяжкое иго, а Германия, через то быстро усиленная, получила бы большую возможность для отведения их в такую неволю, в какой теперь томятся другие народы славянские. По этим то причинам и советовал Замоийский Розенбергу, иметь больше ввиду любовь к своему племени, нежели подслуживание честолюбивым планам немцев». Когда же он заметил, что в грамоте, отправленной к нему Розенбергом, к числу наследственных императорских земель ошибочно были отнесены и Чешская и Угорская земли, то тотчас же послал к Розенбергу Пиотровского, чтобы предостеречь его от подобных ошибок. Розенберг исправил этот промах и просил сердечно поблагодарить Замоийского от себя и от своих земляков». (См. *Zycia slawnych polakow* – Жизнеописание Замоийского)³¹. Пишущий эти строки, постарается в ином месте поближе ознакомить читателей с множеством других подобных фактов, живо свиде-

²⁹ Duo ista regna (Bohemia et Polonia) sic invicem, provinces et finibus, sibi sunt implicita et connexa, ut alterum ruere vix queat sine alterius ruina. Oratio Sigismundum reg. Poloniae Ioannis Dubravii Episc. Olomucensis. Schisandner. R. Hung. Ser. I. p. 273–7. Перевод фразы: «Два этих царства (Богемия и Польша) настолько переплетены и связаны друг с другом областями и границами, что одно из них едва ли может рухнуть без обрушения другого. Речь к Сигизмунду, королю Польши, Иоанна Дубравского, епископа Оломоуца».

³⁰ Максимилиан III Австрийский (1558–1618) – император Священной римской империи. В 1589 г. после поражения в битве при Бычине отказался от претензий на польскую корону.

³¹ См.: *Mniszcha M.W. Zycia slawnych polakow*. T. 2. Warszawa: Edycja Tadeusza Mostowskiego, 1805.

тельствующих о том, как издавна лучшие люди в различных землях славянских понимали необходимость для славян братского единения и общения. Одним словом идея панславизма зародилась уже очень давно; через длинный ряд веков проходит она сквозь всю историю славянскую, постепенно светлея, очищаясь и утверждаясь в народном сознании. Конечно, надо разуть эту идею так, как понимают её лучшие умы славянские, как она единственно может быть плодотворна для всех народов славянских и для всего человечества, а не так, как к несчастью понимал её крайности одно время сам великий поэт наш, Пушкин, который поставил такой странный, неправильный вопрос, что невольно, самую силою своего дарования, долгое время служил, а отчасти и поныне служит как бы главнейшим виновником равнодушия, безучастия большинства русских образованных людей к своим соплеменникам, к их языкам и литературам.

Славянские ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.³²

Нам, крепко любящим родного поэта, крайне больно признаваться в том тяжёлом и скорбном чувстве, которое мы испытываем всякий раз, как только вспомним о некоторых мнениях Пушкина. Конечно, они совершенно противоречили основным и коренным его убеждениям, всегда чистым и высоким, вполне согласным с основными началами русской, славянской народности, которой он был один из благороднейших представителей. Эти мнения Пушкина были наносные; он заразился ими в тех жалких кругах, в которых, по милости судьбы, ему часто приходилось обращаться. Только благодаря своему пустому, бессодержательному, так сказать воспитанию, могла славянская душа Пушкина легко подкупаться внешним блеском, формою без содержания, внешней красотою силы, могущества и однообразия. Вспомним стихи его: «Клеветникам России», «Медный всадник», «Люблю тебя, Петра столица», «люблю... пехотных ратей и коней однообразную красоту» и некоторые другие. Разумеется, во всём этом он и сам не отдавал себе ясного отчёта. Оттого-то и идея панславизма, в его понятиях так близко подошла к тому чудовищному призраку, который создали себе, по своим понятиям разные немцы пугливого воображения.

Славянские ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос.³³

Вопрос вовсе не в этом, так как чистый панславизм стремится к взаимному духовному общению, к единству внутреннему, в то же время сохраняя и оберегая внешнее разнообразие, вытекающие из местных особенностей каждой

³² А.С. Пушкин. «Клеветникам России». Написано в 1831 г. в связи с польским восстанием.

³³ См. выше прим. 32.

славянской земли, из личных качеств, свойственных каждой славянской народности отдельно. В истинном панславизме исчезают вместе с тем племенная вражда, братские распри, частная народная исключительность. Каждый народ славянский отдельно сохраняет свою личность, в этом *духовном*, а не внешнем и материальном союзе, подобно родным братьям в общинной семье славянской. Проникнутые светлым и мирным духом панславизма, славяне представляют собою один согласный хор, в котором каждый песельник может и будет занимать место запевалы, смотря по тому, в ком явится надобность в данное время. При этом чех, серб, русский, поляк – останутся вполне чехом, сербом, русским... и в то же время все будут сознавать себя и славянами; так родные братья носят два названия: имя личное и фамилию – наружные знаки внутреннего единства, внешнего разнообразия. Братья долго жили одним хозяйством, *в одном хлебе*, потом переженились, разошлись и зажили каждый по своему. Личный эгоизм, дурные страсти, злые соседи нашёптывали им, что на этом разделе останавливаться нельзя, надо идти дальше, прервать всякие связи, бросить мысль о своём родстве... Вот и вскипели страсти и загорелась вражда, принесла свой плод... Кто из братьев погиб без следа, кто и уцелел, так обессилел и отведён в неволю.

Тех обезьязычил немец,
Этих турок осрамил.³⁴

Славяне, доведенные до крайнего положения, заметили наконец, – так как сознание общего происхождения никогда в них не вымирало окончательно, – что вина их тяжких страданий заключается главнейшее в них же самих, что своё смирение, свою восприимчивость, вечное своё искание чужих сочувствий, свои всегдашние опасения впасть в неродную исключительность и чрезмерную гордость; они сами же довели до такой крайности, как немцы своё начало личности; что отдавшись исключительно этому направлению, они впали в ужасную односторонность, дошли так сказать до полного самозабвения, которое хорошо и прекрасно, до тех пор, как ему не приносятся в жертву существенные дары духа, истина веры и народности. Отказываясь от своих племенных и народных сочувствий, славяне сами искажали свой быт, сами налагали на себя руки, сами себя уродовали... Но теперь постепенно приходят они к сознанию своих старых ошибок, проученные долгим, кровавым опытом, убеждаются в необходимости взаимного общения, духовного единения... Долго таскаясь по белу свету бобылями и бездомными, не помнящими родства, разлучённые братья вспомнили разом и о покинутом доме и друг о друге. Искренно покаявшись в своих взаимных обидах, они найдут и награду, обогатив друг друга самыми разнообразными рассказами, взаимном обмене своих разнородных впечатле-

³⁴ См. выше прим. 13.

ний. Славяне в настоящее время на заброшенный ими некогда путь самостоятельного развития, несут с собою великое понимание всех чужих народностей, богатый капитал, поныне остававшийся непроемчивым, не дававший никаких прибылей. Все почти народы азиатские, все европейцы, греки, итальянцы, испанцы, французы, англичане, скандинавы, немцы, все они имели огромное влияние на разные народы славянские, всем им подчинялись, у всех у них перенимали, всем им более или менее подражали славяне с необыкновенным увлечением, доходившем до полного самозабвения. Теперь, наступила для них пора самосознания, самобытного творчества и воздействия в свою очередь на другие народы. Они поняли наконец, что пора сводить счёты и начать уплату старых долгов, что иначе легко истощат все свои силы и сотрутся с лица земли другими народами, иноплеменными самосознания и самодеятельности. Окидывая мысль своё многострадальное прошедшее, слегка приподымая покров с будущего, славяне собираются вознаградить потерянное, свои промахи и ошибки употребить на пользу себе и другим.

Читатель беспристрастный, верно одобрит пишущего эти строки за то, что он не усомнился решительно дать ответ отрицательный на вопрос, – останется ли в наше время русское образованное общество равнодушным по прежнему к общему движению славянскому? Наше собственное, новое и преобразовательное движение, преимущественно обнаружилось в трёх великих отныне исторических явлениях: во-первых, в увеличении и умножении источников и проводников образования; в уничтожении пагубной спячки и лени, в расширении пределов благодетельной власти печатного слова, типографского станка, этого органа общественно мнения. Во-вторых в разрыве Священного Союза (Sainte Alliance)³⁵, страшный вред которого для России был осязательно доказан последнею войною. Хитрое создание Меттерниха, этого первого вождя римско-немецкого направления в XIX в., этого злейшего неприятеля нашей веры и народности, Священный Союз, тайный смысл которого был искусно, езуитски закрыт великими святыми именами братства, любви; этот союз, к которому название *Священный* идёт также хорошо, как к Австрии название Священной Римской Империи; этот Союз теперь, слава Богу, разорван, и отныне русская грудь не обязана стоять за поддержание разврата, безнравственности, так искусно распространяемых всюду крайними папистами и езуитами, одним из замечательнейших представителей которых в наше время, по всей справедливости должен быть назван Меттерних, что всегда сильно заботился об обращении славян, наших соплеменников, в покорных, бессмысленных чад папы и езуитов, с одной, и в немцев, с другой стороны, постоянно заставляя их отречься от своей веры и народности. Государство Русское по первому призыву являлось в Европе на защиту законности, веры, нравственности, забывая, что

---

³⁵ Священный союз России, Пруссии и Австрии, образованный после Венского конгресса 1815 г. для поддержания европейской системы международных отношений.

римско-немецкие понятия о вере и нравственности совершенно противны и враждебны основным христианско-славянским началам Русской земли, что крайние социальные учения на Западе³⁶, есть прямой логический вывод из римско-немецкого учения о церкви и государстве, естественное порождение папско-феодальной Европы с езуитами, инквизициями, уродливою централизациею, бюрократией, реакциями и революциями. Мы, русские, к несчастью забывали, что историческая судьба наша была иная, что мы имеем в Европе свои задачи, что мы можем и обязаны сочувствовать бедным, угнетённым массам, но должны стоять вне партий и выше их, защищая же одну из них, мы непременно поддерживаем и увековечиваем другую. Третьим величайшим, можно сказать всемирно-историческим явлением, ознаменовавшим царствование нынешнего государя, конечно, надо назвать освобождение крестьян. Двадцать восемь миллионов с лишком людей, готовы получить гражданскую свободу, обеспеченное состояние. Не трудно усмотреть тесную, неразрывную связь во всех этих трёх явлениях и мерах; все они взаимно обуславливаются друг другом, с одной стороны, исполнены истинного христианского духа братства и любви, а, с другой, направлены в пользу народа, коренной и основной стихии России, именно славянской её народности, которая всегда сознавала естественную кровную свою связь с южными и западными славянами, а потому и питала к ним сочувствие.

Таким образом, утверждать в наше время, что в русском образованном обществе не проявятся вскоре с необыкновенною силою сочувствие к нашим соплеменникам и стремление завязать с ними тесное умственное и литературное общение, утверждать это – всё одно, что предполагать ничтожность или не

---

³⁶ Маколей, которого, конечно, никто не назовёт реакционером, вот что говорит в речи своим избирателям в Эдинбурге, 2 ноября 1852 г. по поводу 1848 г. и тогдашних революций на материке: «Вы помните, что с ненавистью подданных к правительству соединялась ненависть племенная и сословная. Я уже одно время сомневался, не остановится ли преуспеяние общества и даже не повернёт ли быстро и насильственно назад; не переходим ли мы из образованности девятнадцатого столетия в варварство пятого. Я вспомнил, что Адам Смит и Гиббон уверяли нас, что невежественные времена прошли безвозвратно, что новая Европа обеспечена от участи, постигшей Римскую империю. Они говорили, что этот потоп уже более не покроет земли. Казалось, они были справедливы, ибо они сравнивали громадную силу образованной части мира с слабостью другой части, оставшейся дикою; они спрашивали, откуда придти гуннам и вандалам, которые бы уничтожили образованность? Им не приходило в голову, что внутри столиц европейских, в близи великолепных дворцов, церквей, театров, книжных магазинов, музеев, разврат и невежество могли породить целое поколение гуннов ещё грознее аттиловых и вандалов, более расположенных к разрушению, чем те, которые шли за Гензерихом. Такова была опасность. Она прошла. Образованность спасена, но какою ценою!» «Всюду, – говорит Маколей, – воцарилась грубая солдатчина». Снова встало папство, столь же грубое и нетерпимое, как и во времена Гильдебранда; столь нетерпимое и грубое, что окончательно разбудило тех, что ласкали себя надеждою о том, что дух крестоносцев и инквизиторов смягчился с течением времени и с успехами знания. Во всех тех странах, где четыре года тому назад, мы напрасно стали бы искать какого-нибудь постоянного правительства, теперь мы не видим и следов свободы. Один Британский трон не был потрясён (на Западе) в 1848. Последовавшая реакция не уничтожила британской свободы.

действительность всех этих мер, или, другими словами, утверждать, что это христианско-славянское направление ложно и вредно, а потому недолговечно, на что могут решиться люди только крайне неблагонамеренные, злые недоброхоты и гасильники ума и дарований. Только они, да ещё разве люди легкомысленные, действующие наобум и бессознательно, решаться утверждать, что умственное и литературное общение наше с западными и южными соплеменниками и пробуждение в нас живого сочувствия к их судьбе, не обещают принести для России великой, громадной пользы. Усиливающееся у нас в обществе и литературе это умственное движение тесно, неразрывно связано с новым, живым преобразовательным направлением нашего времени к жизни, как естественная, неумолкаемая потребность русского народного духа, оно непременно должно укрепить и упрочить это направление и на будущие времена. России, приступившей ныне с такою энергиею к возможно-полному и всестороннему развитию своих материальных и нравственных сил, естественно желать завязать самые тесные связи со своими соплеменниками и вступить с ними в духовное общение; так как эти требования вытекают из прирождённых нашему народу племенных сочувствий и симпатий. Общность же интересов и стремлений у народа русского с его соплеменниками, может служить благонадёжнейшим ручательством в прочности наступающей для них дружбы – *id est velle atque idem nolle, ea demum firma amicitia est.*³⁷

Л. 1 – 13 об., 14 – 31, 32 - 42 об., 43.

---

³⁷ «Что-то хотеть и не хотеть как раз и составляет крепкую дружбу» (*Bellum Catilinae C.Sallusti Crispi*.XX, 4).